

position. On the other hand, existing rivalries in energy transmission can become a deep and constructive regional cooperation.

Iran's presence can also result in controlling religious extremism in the region and exchanging experiences. Iranian Islam and its relation with the region for about two decades has proved that Iran is following constructive methods for society and the principles conforming with political, social and economic development.

It seems that in recent years and with a more realistic outlook, the paying attention to regional cooperation has increased. This cooperation instead of being a kind of idealism and seeking a kind of federalism or a unitary community is looking at existing necessities for cooperation and mutual interests of which all regional actors will be benefited. This feeling of need for cooperation which is reinforced by feeling common threats may transform some former secret rivalries into cooperation if it be organized within institutional framework and suitable structures. It may ultimately cause the cooperative potentials reach the appearance and performance. Although every success in this cooperation is finally depending on development and growth of political, economic and social processes in every one of the regional countries proportionate with the world changing conditions.

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: БОРЬБА ЗА РЕСУРСЫ И ТРАНСПОРТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Ю.А. Зюзин
(Россия, г. Астрахань)

Сложившаяся ситуация в Каспийском регионе характеризуется тем, что интересы региональных и внерегиональных государств тесным образом переплетаются как в энергетической области, так и в сфере международной безопасности. Это в полной мере относится к России, США, Китаю и Европейскому Союзу (ЕС), которые оказались в числе ведущих игроков. Современные геополитические реалии показывают, что великие державы, с одной стороны, ищут пути налаживания сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе со странами региона, в том числе в энергетической сфере и в сфере политической по устранению угрозы международного терроризма. С другой – в той или иной форме ведут большую игру, определяемую национальными, геополитическими и геоэкономическими интересами. В геополитическом понимании регион Прикаспия включает в себя гигантскую территорию на стыке Европы и Азии. В него принято включать пять собственно прикаспийских государств. Кроме того, «околокаспийскими» являются страны субрегионов Северного Кавказа, Закавказья и пространства Центральной Азии. Ряд экспертов причисляют к «каспийским» республикам Узбекистан и Грузию, а Анкара еще в 1997 г. провозгласила Турцию «прикаспийским государством». В целом, можно выделить следующие группы интересов. Первый круг – прибрежные прикаспийские страны (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Россия, Иран). Эти государства пытаются решить внутренние проблемы за счет поставок энергосырья на мировой рынок. Второй круг – страны зоны транзита (Россия, Иран, Китай, Турция, Грузия, Армения, Украина, Румыния, Болгария и другие), которые пытаются извлечь дивиденды из транспортировки энергосырья по их территории. Третий круг – традиционные региональные игроки (Россия, Иран, Китай, Турция), которые стремятся максимально укрепить стратегические позиции в регионе. Четвертый круг – крупные мировые игроки (США, ЕС, Россия, Китай), рассматривающие Каспий как элемент геополитической борьбы за контроль над стратегически важными регионами мира¹.

Процесс трансформации политики основных заинтересованных государств в Каспийском регионе можно условно разделить на три основных периода. Первый период (конец 80-х – первая половина 90-х гг.) характеризуется появлением на миро-

вой политической арене нового геополитического региона – Прикаспия и новых государств в этом регионе. Если в советское время Каспийское море делили два государства – СССР и Иран, то после распада СССР на Каспии появились новые независимые государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. В этот период отсутствовали точные данные относительно объемов запасов энергоресурсов на Каспии. «Появление новых государств привело к необходимости выработки каспийскими государствами и основными мировыми политическими игроками тактики поведения в формирующемся поле геополитической игры. Естественно, шло формирование и выявление позиций, исходя из интересов, преследуемых различными странами»². На тот момент Каспийский регион представлял собой некий «геополитический вакуум», в котором только предстояло определиться основным участникам, их интересам и политике. Во втором периоде (с середины 90-х гг. до начала XX в.) более или менее определились позиции большинства участников «каспийской геополитической игры». Именно в этот период стало очевидно, что Каспийский нефтегазовый бассейн действительно содержит большие запасы углеводородного сырья мирового значения. Основным фактором, оказывавшим влияние на процессы в этом регионе, стало появление конкурирующей линии Запад – Россия. Последняя начала рассматриваться как основной конкурент, в первую очередь, американским интересам на Каспии. Это было связано с тем, что почти все нефтепроводы каспийских государств проходили и пока еще проходят через территорию РФ. Сегодня лишь один трубопровод Каспийского региона проходит не через Россию: маломощный нефтепровод Баку – Тбилиси – Батуми. Поэтому именно Россия получала экономические и политические выгоды, будучи собственником большинства «выходов» региона на внешний рынок. Следствием этого стало активное стремление внешних и внутренних игроков создать новые альтернативные транспортные артерии выхода каспийской нефти на мировые рынки.

Анализ текущих тенденций позволяет делать вывод о начале «новой фазы» с начала XXI в., вызванной повышением значения каспийских сырьевых ресурсов в мировом масштабе. «Все более актуально рассмотрение Каспия в качестве некоторой альтернативы Персидскому заливу как одного из основных нефтедобывающих районов планеты»³. Другим фактором, определяющим новый период, стали события 11 сентября, когда изменения стратегической обстановки в мире привели к изменению геополитической ситуации в регионе Центральной Азии и, соответственно, на Каспии. Стратегическое значение Каспия определяется следующими факторами: колоссальностью запасов углеводородного сырья (1) и его расположением (2). Каспийский шельф является одним из богатейших нефтеносных районов в мире. «По оценкам западных специалистов, только доказанные извлекаемые запасы нефти Каспийского моря составляют примерно 4 млрд т (29 млрд бар), что составляет 2,6 % от мировых запасов. Разведанные запасы газа составляют около 7 трлн м³»⁴.

Каспий расположен между основными существующими и потенциальными рынками сбыта нефти и нефтепродуктов (Европа и Азия), а также между основными поставщиками энергоресурсов (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Россия). Поэтому геополитическая обстановка вокруг Каспия так же, как и вокруг региона Персидского залива, в отличие от других нефтяных регионов мира является на сегодняшний момент довольно сложной и напряженной.

Рассмотрим геополитические интересы ведущих, ключевых игроков в Каспийском регионе.

При взгляде на Казахстан как одно из прикаспийских государств можно отметить следующее: во-первых, внутриконтинентальное расположение Казахстана и отсутствие прямого выхода к морям создает определенные трудности с транспортировкой нефти на мировой рынок. Во-вторых, «Казахстан стоит перед задачей отстаивать свои национальные интересы и безопасность в условиях обостряющейся геополитической игры на Каспии между прикаспийскими, околокаспийскими и внерегиональными государствами. В этой связи следует отметить, что основная борьба за потоки каспийской нефти сегодня ведется именно вокруг Казахстана и его сектора Каспийского моря»⁵. Доступ иностранного капитала к нефтяным залежам российского кас-

пийского шельфа заметно ограничен. Иранский сектор практически лишен каких-либо крупных месторождений. Туркменистан также имеет сравнительно небольшие запасы нефти и проводит внешнеполитический курс на изоляцию от мировых и региональных процессов. Освоение же зарубежными компаниями некоторых месторождений в азербайджанском секторе Каспия пока не дало ожидаемых результатов.

Россия занимает твердые позиции в регионе, что обусловлено следующими факторами:

1) историко-культурный фактор. Россия присутствует в регионе уже на протяжении полутора столетий. Контроль над регионом, обеспеченный царской Россией, а затем уже Советским Союзом, правопреемницей которого впоследствии стала Россия, послужили мощным фундаментом для доминирующего положения современной России на Каспии. Общее сосуществование в составе одного государства связало Россию с другими прикаспийскими республиками тесными историческими и культурными связями, что в значительной степени определило большой вес и влияние России на Каспии;

2) транзитный потенциал. Россия находится на стыке Европы и Азии и имеет выход к морям, что обеспечивает ей важное стратегическое положение как транзитного государства. В настоящее время основной маршрут транзита каспийской нефти осуществляется по территории России, так как раньше это была единая система магистральных нефтепроводов СССР. В данной ситуации Россия обладает дополнительным рычагом давления и может влиять на политику других прикаспийских государств;

3) военный потенциал. Несмотря на то, что военный потенциал России ослаблен войной в Чечне, недостатком экономических ресурсов, необходимых для модернизации армии и ВПК, а также медленным процессом реформирования вооруженных сил, тем не менее Россия обладает достаточно сильными вооруженными силами сравнительно с другими прикаспийскими государствами. На настоящий момент уровень боевой готовности и военный потенциал России на Каспии является самым высоким в регионе, что потенциально может быть использовано для отстаивания российских позиций в регионе. Для внешней политики России Каспий является одним из приоритетных направлений. Она имеет здесь как экономические интересы, так и геополитические.

Для России Каспийский регион является традиционной зоной национальных интересов. Россия заинтересована в укреплении своих позиций на Каспии и в связи с тем, чтобы не допустить доминирования третьих сил в регионе. В первое время после развала СССР именно геополитический, а не экономический фактор полностью определял российскую политику на Каспии. В этот период Россия не имела возможности развернуть полномасштабное освоение каспийских месторождений нефти и в то же время пыталась не допустить самостоятельной разработки углеводородных ресурсов новыми прикаспийскими государствами. Москва занимала жесткую позицию по вопросу правового статуса Каспийского моря, противодействовала созданию международных нефтяных консорциумов с участием третьих стран. Подобная политика проводилась до середины 1990-х гг. Реализация экономических интересов началась примерно с середины 1990-х гг., когда Россия заняла иную позицию, нацеленную на реализацию взаимовыгодных проектов и развитие сотрудничества с прикаспийскими государствами. Тем не менее в этот период Россия стремится сохранить монополизацию маршрутов транспортировки каспийских энергоресурсов на мировой рынок через свою территорию. Исходя из вышеобозначенных интересов, политика России направлена на решение трех основных стратегических задач:

- 1) защиту и наращивание позиций России на Каспии;
- 2) сохранение стабильности в регионе;
- 3) развитие регионального сотрудничества.

В развитии отношений между Россией и Казахстаном на Каспии следует отметить два момента, определяющих общее их состояние. В геополитическом плане следует отметить зависимость Казахстана от России в вопросе транспортировки казахстанской нефти на мировой рынок. Транзит каспийской нефти на экспорт осуществ-

ляется сегодня в основном по территории России, поскольку раньше это была единая система магистральных нефтепроводов СССР. Другим моментом, который уже положительно отразился на двусторонних отношениях, является урегулирование вопроса о статусе Каспийского моря. Казахстан, Россия, а также Азербайджан занимают одинаковые позиции по этому вопросу. «Стороны заключили ряд соглашений, регламентирующих их взаимодействие... В частности, Казахстан и Россия подписали соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г.»⁶. Аналогичное соглашение было подписано между Россией и Азербайджаном в сентябре 2002 г. Согласно соглашению, «достижение консенсуса предстоит найти на условиях справедливого раздела дна Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды». «Стороны, в частности, выдвинули следующие предложения: а) дно моря с его минеральными ресурсами делится по договоренности между сопредельными и противоположащими государствами, и каждое государство на своем участке дна обладает суверенными правами на недропользование, но не территориальной юрисдикцией; б) большая часть водного пространства с его биологическими ресурсами остается в общем владении и совместном пользовании без границ по воде (за исключением двух прибрежных зон согласованной ширины, одна из которых была бы аналогом территориального моря, а вторая являлась бы рыболовной зоной, которая предусмотрена советско-иранским договором 1940 г.)». При этом делимитация дна должна осуществляться (как в 80 % известных мировой практике случаев) по принципу срединной линии. Россия и Казахстан договорились, что они будут проводить разграничение своих участков дна по модифицированной срединной линии (с учетом островов, геологических структур, других особых обстоятельств и уже понесенных геологических затрат). Однако, несмотря на сближение позиций, государствам первоначально не удавалось до конца решить данный вопрос в силу существования определенных спорных моментов. Большой прогресс был достигнут 13 мая 2002 г., когда Россия и Казахстан подписали «Протокол к соглашению между Россией и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г.». В данном соглашении стороны установили координаты срединной линии, которая делит море между двумя странами, и определили правила разработки месторождений. При этом три северных участка – Курмангазы, Хвалынское и Центральное – будут разрабатываться совместно. Таким образом, Россия и Казахстан стали первыми прикаспийскими государствами, которые полностью урегулировали вопросы разделения морского дна. Урегулирование данного вопроса между двумя крупными нефтедобывающими государствами, возможно, обеспечит еще большую стабильность и инвестиционную привлекательность нефтяных проектов в регионе.

Иран владеет нефтяными запасами в Персидском заливе и в Каспийском море. Значительная часть из них находится в Персидском заливе, поэтому освоение залежей каспийского шельфа является второстепенной задачей. Тем не менее, Иран твердо отстаивает свои интересы на Каспии для того, чтобы не просто обеспечить максимально возможный доступ к каспийским энергоресурсам, но и усилить свои геополитические позиции и возможности в регионе. Политика Ирана в каспийском направлении определяется следующими стратегическими интересами:

- 1) обеспечение безопасности своих северных границ через обеспечение и поддержание стабильности и безопасности в самих центральноазиатских государствах;
- 2) выстраивание взаимоотношений с государствами региона в рамках общей политики выхода из международной изоляции;
- 3) необходимость поддерживать хорошие взаимоотношения с Россией и Турцией.

С последней отношения напрямую зависят от решения курдского вопроса. На данный момент «Иран категорически против создания прозападного правительства в Багдаде и участия Турции в антииракской операции, так как Анкара, как полагают иранские аналитики, возобновит свои давние претензии на главный нефтегазовый

регион Ирака – иракский Курдистан и нефтегазовые артерии этого региона к портам Сирии, Ливана и Израиля. Большое значение уделяется Тегераном сотрудничеству с Россией как противовесу США и Западу. Оба государства также заинтересованы в поддержании стабильности в регионах Центральной Азии и Закавказья. Центральная Азия и Кавказ рассматриваются Ираном как возможная основа для нормализации отношений с ЕС, Китаем и Японией. «Для реализации своих интересов Иран будет максимально использовать свое выгодное геостратегическое положение, и развивать свой транзитный потенциал»⁸.

Азербайджан после обретения независимости оказался в центре так называемого «геополитического треугольника» пересекающихся и порой противоречивых интересов России, Ирана и Турции. В начале 90-х гг. руководство страны находилось перед выбором внешнеполитической ориентации на какой-либо один из этих соперничающих центров силы. В конечном итоге была избрана прозападная стратегия развития с упором на тесное взаимодействие с Турцией, представляющей в данном случае интересы Запада, главным образом США. На сегодняшний день среди всех государств региона именно Азербайджан является наиболее близким союзником Соединенных Штатов. Баку активно использует нефтяной фактор для поддержания тесных взаимоотношений с развитыми государствами Запада. Переориентация Баку на Запад произошла во многом благодаря идее реализации проекта Баку – Джейхан, который предоставляет большие возможности именно для Азербайджана, заинтересованного в транспортировке своей нефти в обход России. Со стороны США также заметно желание наладить более тесные взаимоотношения с Баку. Именно посредством Азербайджана Вашингтон осуществляет свою политику на Каспии. «В последнее время Азербайджан столкнулся с новыми тенденциями развития ситуации в регионе Каспийского моря, а именно – заметным сближением позиций своего главного союзника – США с недавним соперником – Россией. Это привело Баку к необходимости поиска путей компромисса с Москвой»⁹. Данная тенденция в конечном итоге привела к подписанию двустороннего российско-азербайджанского соглашения о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря в июне 2002 г. Аналогичное соглашение было подписано 29 ноября 2001 г. и с Казахстаном, что свидетельствует об общих позициях двух стран по вопросу Каспия. Развитие азербайджано-иранских взаимоотношений идет практически в обратном направлении. Между сторонами имеется ряд серьезных разногласий главным образом по поводу богатых и спорных нефтяные месторождений – Алов, Араз и Шарг. Ситуация стала особенно напряженной после того, как военные корабли иранских ВМС под угрозой применения оружия заставили приостановить работы по разведке шельфовой нефти, которую проводили морские суда Азербайджана на основе соглашений Баку с «Бритиш Петролеум».

Туркменистан по запасам жидких и газообразных углеводородов среди прикаспийских государств занимает третье место. Руководство республики инициировало программу «10 лет благополучия», согласно которой к 2002 г. ожидалось возрастание добычи нефти до 28 млн т, из которых 10 млн планировалось экспортировать. Являясь внутриконтинентальной страной, лишенной свободного доступа к мировому рынку, «Туркменистан крайне заинтересован в развитии широкой сети экспортных маршрутов. Зависимость Ашхабада от вопроса транспортировки может быть использована в качестве рычагов воздействия со стороны определенных государств для расширения своего присутствия в регионе в целом и в Туркменистане в частности»¹⁰. Интересы внешних игроков в Туркменистане касаются прежде всего запасов газа. Так, Вашингтон активно лоббировал проект Транскаспийского газопровода, который должен идти в обход территорий России и Ирана по дну Каспия, через территории Азербайджана и Грузии в Турцию, то есть практически повторить маршрут нефтепровода Баку – Джейхан. Однако данный проект столкнулся с большими трудностями, и вскоре Ашхабад практически от него отказался. России удалось добиться участия Туркменистана в проекте «Голубой поток» – транспортировке российского газа в Турцию. Возможно, свою роль сыграли туркмено-азербайджанские разногласия по поводу спорного месторождения Сердар. Азербайджан, как известно, является наи-

более близким союзником США в регионе, и вполне логично было бы ожидать, что в данной ситуации Вашингтон, пусть неофициально, поддержит Баку. Для Туркменистана определяющее значение имеет политика России. Большая зависимость Туркменистана от позиции России в решении ряда вопросов поставок природного газа на экспорт достаточно очевидна. В настоящее время Туркменистан способен поставлять свой газ в больших количествах только в Россию. В силу своего геополитического положения Туркменистан при реализации стратегии экспортных маршрутов газа испытывает достаточно сильное влияние со стороны Ирана. В последнее время Иран активизирует свою деятельность в Центральной Азии, и, стремясь скорейшим образом укрепить свои позиции в регионе, пытается выйти на более высокий уровень экономических отношений с государствами региона. В этом контексте развитие сотрудничества с Туркменистаном рассматривается им в качестве достаточно перспективного направления. Ашхабад, в свою очередь, всегда проявлял особую заинтересованность в возможности транспортировки энергосырья по территории Ирана. Прокладка трубопроводов по иранской территории с выходом на главный мировой рынок энергоресурсов – Персидский залив – является достаточно весомой перспективной. На сегодняшний день определяющим для Туркменистана является тот факт, что иранское направление (трубопровод Корпедже – Курт – Куи) – это единственная возможность экспортировать свой газ без использования российских трубопроводов. К настоящему времени иранские специалисты завершили строительство газоперерабатывающего завода в Корпедже (Туркменистан). Это предприятие является составной частью проекта стоимостью в 190 млн долл. по экспорту туркменского газа в Иран. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в последние годы Тегеран успешно развивает проект освоения газового месторождения Южный Парс. Кроме того, в Иране обнаружено месторождение природного газа в Рамхормозе на границе с Ираком, а также значительное нефтяное и газовое месторождение в иранской части Каспийского моря. Поэтому в будущем Иран, возможно, «будет заинтересован уже не в импорте туркменского газа для своих северных районов, а в экспорте собственного газа в северном направлении: в Турцию и Армению»¹¹.

Китай. Энергоресурсы Каспия являются одним из основных интересов Китая в Центральной Азии помимо интересов в поддержании стабильности и обеспечения безопасности в данном регионе. Этот интерес будет возрастать по мере экономического развития Китая. Высокие темпы развития экономики определяют большую потребность Китая в энергоресурсах. «КНР сегодня самостоятельно производит около 160 млн т нефти в год, а потребляет 200 млн т»¹². Поэтому «...для КНР энергоресурсы Каспия являются потенциальным источником нефти и газа, так как, по мнению китайских ученых, нефтяные и газовые нефтепроводы из этого региона более короткие и безопасные, нежели альтернативные маршруты»¹³. В конце 90-х гг. китайское правительство разработало стратегию «открытия» западного района страны. Одна из задач данной программы – добыча ресурсов на западе и оживление рынков этой части КНР. Таким образом, центрально-азиатский регион становится центром, соединяющим Китай и Европу. Среди всех прикаспийских государств приоритетное внимание Пекин уделяет Казахстану как наиболее богатому в сырьевом отношении государству региона. В 1998 г. Казахстан и Китай подписали контракт на разработку Китайской национальной нефтяной компанией (КННК) месторождения в Западном Казахстане. Этот проект стал крупнейшим инвестиционным проектом с участием китайской компании за рубежом. В настоящее время нефть из Казахстана в Китай доставляется в основном железнодорожным путем. В перспективе Китай заинтересован в строительстве нефтепровода из Казахстана. Данная идея пока ждет своей реализации, хотя и была оговорена в подписанном соглашении с КННК. Таким образом, Китай имеет в основном экономические интересы на Каспии.

После распада СССР одним из ключевых игроков, соперничающих за влияние, продвижение своих интересов в Центральной Азии, стала **Турция**. «Анкара видела свою роль как государства-моста между Западом и Востоком, как представителя своих западных партнеров в Центральной Азии. На Каспии Турция действовала осторожно и

сдержанно, что связано с заинтересованностью в поддержании хороших отношений с Россией, экономическое сотрудничество с которой развивается быстрыми темпами. Основные интересы Турции в Каспийском регионе заключаются в следующем:

1) укрепление внешнеполитических позиций за счет государств Прикаспия;
2) укрепление зависимости Запада от политики Анкары в регионе. Долгосрочной целью в этом плане является стремление добиться полноправного членства в ЕС, что по целому ряду причин на данном этапе представляется нереальным. «Большая нефть способна дать Турции дополнительные рычаги влияния на европейское сообщество и способствовать большей экономической и, как следствие, политической интеграции этой страны в структуры ЕС, но пока европейские политики достаточно прохладно относятся к подобным перспективам. Позиции Турции как транзитной страны в глазах европейцев не достаточно стабильны»¹⁴;

3) обеспечение поставок энергоресурсов на внутренний рынок. Турция является государством-импортером в плане энергетических ресурсов. Союзнические отношения Анкары с Вашингтоном в условиях резкого охлаждения взаимоотношений последнего с арабским миром могут негативно отразиться на сотрудничестве Турции с нефтедобывающими государствами Ближнего Востока;

4) контроль над экспортными потоками каспийских углеводородов на мировой рынок и, как следствие, осуществление первой определяющей задачи. Анкара является главной движущей силой осуществления проекта основного экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Для повышения привлекательности данного проекта Анкара предприняла ряд жестких мер, ограничивающих проход нефтетанкеров через свои проливы. Мотивируя свои действия экологической ценностью проливов, Анкара тем самым, по-видимому, старается уменьшить роль трубопроводов, ориентированных на российский порт в Новороссийске. Среди прикаспийских государств наиболее тесные взаимоотношения Турция поддерживает с Азербайджаном. Это вызвано исторической, культурной и этнической общностью, схожестью внешнеполитических приоритетов (ориентацией на Запад), общей заинтересованностью в осуществлении проекта трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Сотрудничество двух стран распространяется практически на все сферы взаимодействия – от экономической до военно-политической. К примеру, в ходе инцидента между Азербайджаном и Ираном на Каспии Турция заявила о своей готовности выступить в защиту Азербайджана в случае военных действий. Однако позиции Анкары в Центральной Азии, особенно в Казахстане, не такие сильные, как в Азербайджане. Возможно, это связано с тем, что центральноазиатские государства, первоначально не воспринявшие пантюркистские идеи Турции в первые годы независимости, продолжают опасаться активных турецких устремлений в регионе, в том числе и на Каспии. Центральноазиатские государства предпочитают налаживать отношения с Западом напрямую. Кроме того, в последнее время подвергается сомнению прочность американо-турецкого стратегического союза. Вашингтон, заявляя о поддержке Турции, тем не менее руководствуется исключительно собственными интересами. Особенно это касается Центральной Азии, где США прочно укрепились в военном отношении, воспользовавшись благоприятной текущей геополитической ситуацией. Малоэффективность посреднических усилий Турции, непонимание местной специфики и неопределенность национальных приоритетов обрекли политику Анкары на заметную половинчатость и явную непоследовательность. Внешнеполитические позиции Турции в регионе были еще более ослаблены после надвинувшегося на нее экономического кризиса и практически полного свертывания проектов внешнего финансирования.

Нефтяной фактор традиционно занимает одно из приоритетных мест во внешней политике Соединенных Штатов Америки. Большое значение нефти в политике «супердержавы» означает важность этого фактора и во всей мировой политике. Обеспечение свободного доступа к энергоресурсам является одним из первоочередных вопросов национальной безопасности США. Только за последние 10 лет потребление нефти в США возросло на 14 % при увеличении внутренней добычи на 2 %. Из этого следует, что спрос на сырье покрывается за счет увеличения импортных поста-

вок. За аналогичный период импорт углеводородов увеличился на 30 %. Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о возрастании зависимости и уязвимости Соединенных Штатов от внешних поставок нефти. Чтобы ослабить эту зависимость, США заинтересованы в диверсификации внешних источников нефти и обеспечении их надежных поставок. Поиск различных источников импортируемых энергоресурсов и контроль над ними является одной из важных задач в деле обеспечения энергетической и в целом национальной безопасности США. Поэтому мировые регионы нефтепромыслов и маршруты транспортировки нефти и нефтепродуктов являются зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов. В этой связи зона Каспийского региона с его богатыми запасами энергоресурсов имеет для США стратегически важное значение, так как контроль над этим регионом позволяет реализовывать политику Вашингтона по диверсификации источников импортируемых энергоресурсов и обеспечения их надежных поставок. Согласно глобальной энергетической стратегии Соединенных Штатов, Каспийский регион является одним из трех приоритетных направлений (наряду с Американским континентом и Ближним Востоком). Значимость Каспийского региона еще более усилилась в связи с критической ситуацией на Ближнем Востоке и противостоянием между США и ОПЕК. Политика Соединенных Штатов в регионе Каспийского моря основана на трех ключевых принципах:

1) повышение уровня надежности для США в вопросах обеспечения энергоресурсами;

2) решение геостратегических задач;

3) развитие коммерческих возможностей.

В 1997 г. администрация США объявила Каспийский регион зоной своих интересов и сформулировала ряд широких задач, связанных с ним:

1) обеспечить надежность глобальных поставок энергоресурсов так, чтобы это в полной мере отвечало стратегическим и экономическим интересам Соединенных Штатов, а также интересам их региональных партнеров;

2) содействовать экономическому развитию, укреплению политической самостоятельности и усилению «демократизации» стран региона;

3) оказывать поддержку американским компаниям в их попытках ускорить разработку энергоресурсов региона;

4) развивать альтернативы экспорта добываемых в регионе энергоресурсов, что, в частности, предполагает прокладку транзитных трубопроводов в обход территории Ирана.

Европейский Союз. Различные источники энергоресурсов и маршруты их транспортировки имеют непосредственное отношение к геополитическим и геэкономическим интересам и сферам внешнеполитического влияния государств Европы. ЕС является крупнейшим потребителем углеводородного сырья. В 2000 г. потребление ЕС нефти составило 14,4 млн бар в день (20,5 % мирового потребления). 60 % используемой нефти импортируется извне, из них 29 % импортируется из постсоветских государств, в основном России, Казахстана и Азербайджана. Перспективы значительного увеличения нефтедобычи в бассейне Каспийского моря, намечающееся повышение его роли в мировом энергоснабжении определяют особый интерес Европы к этому региону. Основным практическим интересом ЕС является диверсификация своего нефтегазового импорта путем вовлечения энергетических ресурсов Центральной Азии и Каспийского моря в европейскую энергетическую систему. Особенный интерес Европа придает каспийскому газу. По мнению европейских экспертов, соединению каспийского пространства с европейской газовой системой альтернативы нет. Для реализации своих интересов Евросоюз предпринял ряд шагов. В 1991 г. ЕС инициировал разработку программы оказания помощи странам Закавказья и Центральной Азии в деле реконструкции транспортных магистралей и строительства новых узлов транспортной инфраструктуры (ТАСИС). Частью этой программы стал проект создания международного транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА). Проект предусматривает интеграцию транспортной системы, коммуникационных сетей, инфраструктуры и материально-технической базы ряда быв-

ших республик Советского Союза с аналогичными международными системами. «В 1995 г. Евросоюз начал реализацию программы ИНОГЕЙТ (Межгосударственный проект по нефтегазопроводам). Цели проекта – техническое содействие в поддержании в рабочем состоянии и управлении нефтегазопроводами стран СНГ, а также проработка новых путей транспортировки в Европу каспийской нефти»¹⁵. Говоря о присутствии Европы на Каспии, включение Европейского Союза в геополитические процессы в Каспийском регионе по сравнению с другими мировыми игроками происходило гораздо менее активно. «Основным сдерживающим фактором для Европы остается еще не завершившееся распределение сфер влияния между США и Россией»¹⁶. Здесь следует отметить, что, несмотря на союзнические отношения с США, цели и задачи ЕС на Каспии не обязательно сходятся с американскими. Так, Европа избегала поддержки политики выдавливания интересов России из региона, применявшейся Вашингтоном до последнего времени. Европейские государства находятся в значительной зависимости от поставок российского газа и нефти. В вопросе маршрутов транспортировки нефти ЕС никогда не настаивал на обязательном строительстве трубопроводов в обход российской территории. Европейские страны приветствовали строительство основного экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан только как возможность разгрузить проливы Босфор и Дарданеллы и в качестве дополнительной поддержки турецкой экономики. В этом отношении сближение позиций РФ и США в энергетической сфере отвечает интересам ЕС и предоставляет ему новые возможности в Каспийском регионе. Другим фактором, объясняющим умеренное присутствие Европы на Каспии, возможно, является разочарование результатами европейской политики в отношении СНГ и Центральной Азии. Таким образом, Евросоюз значительно отстал от других мировых держав в утверждении своих политических и экономических интересов в регионе. Тем не менее после событий 11 сентября на Каспии наметилась тенденция активизации ЕС. Так, в 2001 г. «широкую огласку получил меморандум МИД ФРГ, на котором было сформулировано немецкое видение европейских интересов в центральноазиатском регионе». Согласно ему, примерно к 2015 г. границы НАТО и ЕС будут вплотную прилегать к России, а Украина будет вовлечена в стратегическое партнерство с этими организациями на различных уровнях. В этих условиях закономерно беспокойство Европы по сохранению стабильности в России и Центральной Азии. Примерно к этому же времени ожидается и отделение собственно европейских интересов от американских и разработка собственной европейской стратегии; «привязывание Кавказа и Каспийского региона к Европе как к более привлекательной альтернативе, чем ОПЕК; вовлечение Европы в решение конфликтов на Кавказе, насколько возможно с участием России с целью создания здесь равных конкурентных возможностей и условий для сотрудничества; активная поддержка транспортной инфраструктуры по линии Восток – Запад и особенно газовой сети для связывания ресурсов региона, включая Иран, через Турцию с европейским рынком; выработка европейской позиции в отношении проекта магистральных трубопроводов из Каспийского региона в Европу; совмещение национальных интересов различных стран ЕС в регионе в рамках единой европейской внешней политики и политики в области безопасности»¹⁷. Исходя из всего вышеизложенного, следует, что:

- 1) благоприятная для США геополитическая ситуация создала условия для политического и военного присутствия Соединенных Штатов в Центральной Азии. Усиление позиций США в Центральной Азии после событий 11 сентября укрепило американские позиции и на Каспии;
- 2) изменилось отношение США к вопросам энергетики. Этот вопрос стал еще более приоритетным во внешнеполитической стратегии Вашингтона.

Согласно стратегии национальной безопасности США, принятой в сентябре 2002 г., укрепление стратегической безопасности Правительство США видит в сотрудничестве с «союзниками, торговыми партнерами и производителями энергии с целью расширения источников и типов глобальных энергетических поставок, особенно в Западном полушарии, Африке, Центральной Азии и Каспийском регионе».

Поэтому Вашингтон в ближайшей перспективе будет активно прилагать усилия к разработке новых источников энергоресурсов в России и Центральной Азии. США крайне заинтересованы в понижении цен на нефть, «так как по некоторым оценкам экономика Соединенных Штатов может динамично развиваться только при цене в 18 долл. за баррель»¹³. В этой связи США, возможно, попытаются столкнуть лбами Россию и прикаспийские государства с ОПЕК. Нарастание соперничества этих группировок неизбежно приведет к их взаимному ослаблению и, как следствие, снижению мировой цены на сырье – главной задаче энергетической политики США. Поэтому в среднесрочной перспективе США будут заинтересованы не столько в реальном превращении каспийских государств (в первую очередь, России и Казахстана) в значимых экспортеров нефти на свой рынок, а в ликвидации монополии ОПЕК на ценообразование и установлении своего контроля над мировым нефтяным рынком.

Таким образом, «новая фаза» процессов в регионе Каспийского моря характеризуется активизацией Соединенных Штатов в регионе. После событий 11 сентября, повлекших за собой закрепление США в Афганистане, оккупацию Ирака, активизацию Вашингтона в Центральной Азии и Закавказье, достаточно ясно просматривается цель администрации Дж. Буша – создание подконтрольной «энергетической дуги» на огромном евразийском пространстве: в Центральной Азии, Закавказье, Ближнем и Среднем Востоке. Фактически Вашингтон приступил к формированию новой геополитической стратегии «демократизации и модернизации» гигантского региона, где энергетические ресурсы Каспия выступают как один из инструментов «большой игры» на пространстве постсоветской Евразии.

¹ *Накашидзе Д.* Нефть Каспия и международные отношения // *Власть*. 2002. № 6. С. 64.

² *Ашимбаев М.*, Лаумулин М. Трудный путь к региональной безопасности // *Континент*. 2002. № 10. С. 20–23.

³ *Абишев А.* Каспий: нефть и политика. Алматы, 2002. С. 408.

⁴ *Henderson G.* Erstickte Demokratisierung in Iran. Die Lage nach dem 11 September // *Internationale Politik*. Berlin, 2002. № 3. S. 32–38.

⁵ *Лаумулин М.*, Сейфуллина Т. Интересы и политика Европейского Союза в Центральной Азии и Каспийском регионе. [Http:// www.kisi.kz](http://www.kisi.kz)

⁶ *Сборник документов по международному праву*. Алматы, 1998. Т. 1. С. 265.

⁷ Там же.

⁸ *Чичкин А.* Цена иранской карты. [Http:// www.GazetaSNG.ru](http://www.GazetaSNG.ru)

⁹ *Бессарабов Г.*, Собянин А. Нефть Китая и перспективы России. [Http:// profi.gateway.kg/china_oil](http://profi.gateway.kg/china_oil).

¹⁰ *Гусева Л.* Современное состояние нефтегазового комплекса и экспортных маршрутов газа Республики Туркменистан // *Аналитик*. 2001. № 1. С. 36–39.

¹¹ *GUS-Barometer* // *DGAP*. 2000. № 2 (5 November).

¹² *Внеочередное совещание в Пекине* // *Казахстанская правда*. 2002. 10 января. С. 1–2.

¹³ *Накашидзе Д.* Нефть Каспия и международные отношения // *Власть*. 2002. № 6. С. 64.

¹⁴ *Ашимбаев М.* К проблеме формирования системы региональной безопасности // *Analytic*. 2001. № 1. С. 6–8.

¹⁵ *Hunter R.E.* The European Security and Defense Policy: NATO's Companion – or Competitor? Santa Monica, 2001. С. 179.

¹⁶ *Holbig H.* Wende im internationalen Verhalten Chinas? Nationale Interessen in der globalen Antiterrorallianz // *Internationale Politik*. 2002. № 2. S. 1–6.

¹⁷ *Реализуя договоренности* // *Казахстанская правда*. 2002. 11 июля. С. 1–2.

¹⁸ *Зверев А.* Для США сейчас очень важно уменьшить свою зависимость от ближневосточной нефти. [Http:// www.aina.kz](http://www.aina.kz)